

СЛУЖЕНІЕ СВЯЩЕННИКА НА ВОЙНѢ *).

(Изъ наблюденій участника Русско-японской войны).

(Окончаніе).

Служеніе священника во время боя.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что огромное большинство прибывшихъ на Русско-японскую войну священниковъ не имѣло должнаго предствленія о томъ, гдѣ имъ придется быть и что дѣлать во время боя.

Этому нельзя удивляться, такъ какъ у насъ вообще немногіе тогда понимали, что такое война при современномъ развитіи техники—дальнобойности орудій, продолжительности сраженій и пр. У насъ большинство судило о войнѣ точно по «Иліадѣ» Гомера, рисуя въ своемъ воображеніи красивыя картины стройныхъ движеній полковъ, стремительныхъ атакъ съ развернутыми знаменами, подъ громъ орудій и хоровъ музыки, и совсѣмъ закрывая глаза на оборотную сторону войны.

Священнику въ этой воображенной войнѣ отводилось мѣсто впереди части, которую онъ съ крестомъ въ рукахъ «примѣромъ мужества и словами убѣжденія» увлекалъ въ отчаянную атаку на врага. И многіе священники, идучи на войну, рисовали въ своемъ воображеніи заманчивую картину, какъ они поведутъ свои части подъ огнемъ, пулями и снарядами въ бой. Дѣйствительность раз-

*) См. «Военный Сборникъ» 1912 г., № 11.

била мечты такихъ пастырей. Водить войска въ бой священникамъ не пришлось. Убийственная сила современнаго огня сдѣлала то, что дневныя атаки стали почти немислимы. Противники теперь атакуютъ другъ друга въ глухія ночи, подъ покровомъ ночной тьмы, безъ развернутыхъ знаменъ и безъ грома музыки; атакуютъ украдкой, чтобы не быть замѣченными и огнемъ орудій и пулеметовъ сметенными съ лица земли. При такихъ атакахъ священнику нѣтъ мѣста ни впереди, ни назади атакующей части. Ночью его никто не увидитъ, да и голоса его, разъ начнется атака, никто не услышитъ.

Къ этому надо добавить, что атаки, составлявшія поэзію прежней войны, вообще въ минувшую войну бывали не часты. Больше бывало прозы, когда враги, засѣвъ въ окопахъ, разили другъ друга ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ, часто не вида, а лишь нащупывая другъ друга.

Съ перемѣной характера войны измѣнился и характеръ работы священника на войнѣ. Теперь мѣсто священника во время боя не въ боевой линіи, сплошь и рядомъ растянутой на огромное разстояніе, а около нея, и дѣло его не столько ободреніе находящихся въ строю, сколько служеніе выбывшимъ изъ строя—раненымъ и убитымъ. Чтобы быть понятнѣе, объясню, какъ велось это дѣло въ полку, гдѣ Господь мнѣ судилъ послужить въ Русско-японскую войну, и какъ, по моему разумѣнію, дѣло должно вести въ каждой части, гдѣ есть священники.

Коснусь двухъ положеній полка: когда онъ участвуетъ въ бою и когда онъ находится въ резервѣ.

Боевая линія, занимаемая нашимъ полкомъ, бывали случаи, достигала трехъ верствъ и даже болѣе въ длину. Обычное положеніе чиновъ во время боя—стрѣльба изъ окоповъ. Движеніе кого бы то ни было во время боя вдоль всей боевой линіи затруднительно, очень рискованно, а для военнаго дѣла не безвредно, такъ какъ движущая фигура можетъ открывать противнику мѣсто расположенія части и вызвать усиленную стрѣльбу. Поэтому мнѣ думается, что обходъ священникомъ каждый разъ во время боя всей линіи боевого расположенія части, хоть и очень полезный для ободренія сражающихся, невозможенъ. Священникъ, кромѣ того, долженъ помнить, что онъ безъ нужды не долженъ подвергать себя опасности, такъ какъ выбитіе его изъ строя, при невозможности замѣнить его другимъ, огромный уронъ для части, и что онъ обязанъ употребить всѣ усилія, чтобы убитые и раненые въ полку не остались безъ его пастырскаго участія. Всему этому, однако, меня на-

училъ опытъ, пріобрѣтенный въ десяти бояхъ; въ первомъ же бою я поступилъ именно такъ, какъ не слѣдовало поступить. Я и безумно храбрый докторъ О., съ которымъ мнѣ пришлось не разлучаться во всѣхъ слѣдующихъ бояхъ, засѣли въ боевой цѣпи 9-й роты. Почему мы тамъ засѣли, затрудняюсь теперь объяснить. Кажется, потому, что положеніе этой роты было самымъ опаснымъ, а командиръ ея казался намъ очень симпатичнымъ. Толку отъ нашего сидѣнья не получилось никакого, хотя риску было очень много: много снарядовъ и пуль пролетало надъ нашими головами, а мы изнывали не отъ страха опасности, а отъ сознанія полной бесполезности, такъ какъ мы должны были все время лежать и не смѣли подняться, чтобы не выдать противнику мѣста расположенія части. Еще, слава Богу, что въ этой перестрѣлкѣ не было у насъ серьезно раненыхъ и ни одного убитого, а то остались бы они и безъ моей и безъ докторской помощи. Зато мы оцѣнили несуразность такого участія въ бою и впредь стали устраиваться иначе.

Въ слѣдующихъ бояхъ мы устраивали особый перевязочный пунктъ, который находился вблизи боевой линіи противъ центра боевого расположенія части и служилъ передаточнымъ пунктомъ между полкомъ и главнымъ полковымъ перевязочнымъ пунктомъ, находившимся уже на значительномъ разстояніи отъ части. Раненыхъ, такимъ образомъ, на мѣстѣ перевязывали наскоро ротные фельдшера и сами солдаты; затѣмъ раненые быстро доставлялись на нашъ перевязочный пунктъ, гдѣ исправляли повязки, вновь перевязывалъ докторъ О. (ему помогали фельдшера, а иногда и кто-либо изъ полковыхъ врачей), а я живыхъ утѣшалъ, ободрялъ, напутствовалъ, умершихъ погребалъ; когда же не было опасно больныхъ и умершихъ, помогалъ перевязывать, поилъ чаемъ раненыхъ и пр. Дальше раненые переправлялись на главный перевязочный пунктъ, а оттуда въ дивизионный лазаретъ. Иногда, особенно во время ночныхъ боевъ, наши оба пункта сходились вмѣстѣ и работали сообща.

Когда бой шелъ по всей линіи полка, я неотлучно находился на пунктѣ, куда стекались всѣ страдальцы и гдѣ я былъ нуженъ имъ. Когда же бой велся частью полка, и когда я могъ быть увѣренъ, что раненыхъ не пронесутъ мимо меня, я старался во что бы то ни стало побывать у сражающихся. Цѣнили это наши солдаты; большую радость и ободреніе всякій разъ доставляло имъ мое появленіе во время боя подъ огнемъ. Сказанное въ это время священникомъ слово особенно близко принимается къ сердцу и, кажется, никогда не забывается. Полезно обойти священнику и передъ

боемъ, пока не началась стрѣльба, роты своего полка, благословить ихъ, Божьей помощи пмъ пожелать.

Кажется, что въ минувшую войну далеко не всегда соблюдался старый боевой обычай, когда передъ каждымъ боемъ служился молебень, а многіе чины исповѣдывались и причащались ⁸⁾.

Надо всѣми силами поддержать этотъ обычай, гдѣ онъ сохранился, а гдѣ исчезъ—возобновить его и хранить. Легче воину идти на кровавый бой съ молитвою, съ памятью о Богѣ и съ Божьимъ благословеніемъ. Всякій добрый призывъ начальника скорѣе найдеть откликъ у того, кто идетъ въ бой съ вѣрой и памятью крестной.

Сказаннымъ, думается мнѣ, совершенно опредѣляется, какъ характеръ работы священника во время боя, такъ и его мѣсто—въ бою. Священникъ обязанъ утѣшать, ободрять, напутствовать раненыхъ, хоронить умершихъ; его мѣсто — на перевязочномъ пунктѣ; кѣгда присутствіе его на перевязочномъ пунктѣ не обязательно, онъ долженъ побывать и въ боевой линіи, чтобы своимъ появленіемъ ободрить и утѣшить и тамъ находящихся. Исключенія изъ этого положенія, конечно, могутъ быть и бывали. Представьте, что часть дрогнула и начала безпорядочно отступать; появленіе священника въ такую минуту можетъ сдѣлать большое дѣло. Или такой фактъ: на одномъ изъ полковыхъ перевязочныхъ пунктовъ въ Ляоянскомъ бою вмѣстѣ съ ранеными скопилось множество здоровыхъ солдатъ. Это были принесшіе раненыхъ съ поля сраженія. Стоило только присмотрѣться, какъ приносили раненыхъ, когда одного раненаго иногда несли шесть человекъ, чтобы убѣдиться, что одни изъ нихъ спасали раненаго, а другіе свою собственную шкуру. Трусы и бездѣльники, искавшіе повода, чтобы удрать съ поля сраженія, пользовались случаемъ, чтобы пристроиться къ выносившимъ раненыхъ въ помощь имъ. Попавъ на перевязочный пунктъ, они старались задержаться на немъ подъ разнымъ предлогомъ. Отъ находившагося на пунктѣ полкового священника не ускользнуло настроеніе этихъ «спасателей» и онъ рѣшилъ водворить бездѣльниковъ на мѣсто. «Вы чего тутъ мотааетесь безъ дѣла»? обратился онъ къ собравшемуся, сидѣвшему безъ дѣла, десятку нижнихъ чиновъ. «Мы раненыхъ принесли» — послѣдовалъ отвѣтъ. «Вы раненыхъ принесли! Сапоги да шинели нѣкоторые изъ васъ несли, а не раненыхъ. Въ окопы надо вамъ идти. Тамъ ваши това-

---

⁸⁾ Военные священники должны запастись, отправляясь на войну, возможно большимъ количествомъ запасныхъ Св. Даровъ. На войнѣ приготовить заранѣе Св. Дары не всегда возможно, а расходъ на нихъ огромный.

рпщи съ врагами дерутся, а вы тутъ зѣвать да покуривать будете. Зачѣмъ вы сюда изъ Россіи пришли? Стыдно! Живо стройся!» Солдаты покорно поднялись и выстроились. «Шагомъ маршъ!» командоваль батюшка. «Я быстро вернусь, крикнулъ онъ на ходу доктору, только эту погань на мѣсто отведу»... Бѣглецы были приведены въ окопы. «Вотъ гдѣ ваше мѣсто, бездѣльники, а не на перевязочномъ пунктѣ. Молодцами будьте!» сказалъ батюшка и бросилъ свою команду.

А вотъ и еще примѣры. Священникъ 8-го пѣх. сибирскаго Томскаго полка П. Курдюмовъ въ тяжелую минуту для полка, когда послѣдній отступалъ подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, отходилъ въ самыхъ послѣднихъ рядахъ своей части, постоянно останавливаясь, чтобы перевязывать раненыхъ и напутствовать умирающихъ. Такъ онъ и остался на полѣ сраженія, раненый, какъ передавали, въ то время, когда напутствовалъ умирающаго. По свидѣтельству бывшаго начальника 6 сибир. стрѣлк. дивизіи г.-л. Данилова ⁹⁾ и офицеровъ, священникъ 24 Вост.-Сиб. стрѣлк. полка В. Дубницкій въ бою у одного перевала отступалъ послѣднимъ, вынося съ санитаромъ изъ непріятельскаго огня тяжело раненаго солдата. Когда о. Василій догналъ полкъ, считавшій уже его погибшимъ, его ряса и шляпа оказались прострѣленными въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Если бы окруженному непріятелемъ полку пришлось пробиваться сквозь непріятельскіе ряды, кому же идти впереди, какъ не священнику съ крестомъ? Подвигъ священника Щербаковскаго всѣмъ пзвѣстенъ.

Приведенные примѣры говорятъ одно—что священникъ, базирясь на перевязочномъ пунктѣ, во всякое время долженъ быть готовъ пойти туда, гдѣ требуется его помощь и участіе.

Нахожденіе части въ резервѣ, по-моему, одно изъ самыхъ непріятныхъ положеній. Сидѣть безъ дѣла гдѣ-нибудь за горой или въ лоцинѣ подъ открытымъ небомъ и ждать, когда тебя позовутъ къ работѣ—и скучно и досадно. Кромѣ разговоровъ, тутъ другого занятія не бываетъ. Прямого дѣла въ это томительное время бездѣлья у священника какъ будто нѣтъ, но при желаніи онъ легко можетъ и долженъ его найти. Теперь-то ему и заняться подготовкой чиновъ къ бою: подойти къ однимъ, къ другимъ, обойти всѣхъ, напомнить о родинѣ, выславшей ихъ на защиту, о долгѣ, привести примѣры славныхъ подвиговъ, благословить ихъ и пр.

⁹⁾ Нынѣ ген.-адъют. ген.-отъ-инфант. членъ Александр. комит. о раненыхъ.

и пр. Темъ для бесѣды въ это время найдется множество; надо лишь, чтобы нашлась у священника охота побесѣдовать. А то можетъ найтись и другого рода работа. Бываетъ, что та или другая сосѣдняя часть, по какой-либо причинѣ, осталась безъ священника. И теперь безъ священника сражается съ врагомъ. Тогда находящійся въ резервѣ священникъ долженъ послужить этой части, пока его полкъ будетъ оставаться въ резервѣ.

Въ минувшую войну чрезвычайно нуждались въ помощи священниковъ дивизионные лазареты. Дѣятельность этихъ учрежденій въ промежуточное между боями время совсѣмъ замирала; но во время боя она была чрезвычайно кипучей. Во время боя сюда свозились раненые отъ всѣхъ полковъ дивизій; здѣсь больные скоплялись сотнями, здѣсь страдали, мучились, здѣсь же многіе умирали и тутъ же погребались. Присутствіе священника въ дивизионномъ лазаретѣ во время боя до крайности необходимо, и, однако, его при лазаретѣ по штату не положено и не было. Въ одной изъ армій главнымъ священникомъ, въ виду такого положенія дѣла, было предписано дивизионнымъ благочиннымъ принять всѣ мѣры, чтобы дивизионные лазареты не оставались безъ священниковъ во время боя. Для этого рекомендовалось отправлять въ эти лазареты полковыхъ священниковъ, находившихся со своими частями въ резервѣ, или священниковъ неразвернутыхъ госпиталей. Благочинными было приложено много усилій, чтобы выполнить это требованіе, но ихъ усилія встрѣтили много препятствій и со стороны начальниковъ частей, не желавшихъ отпускать отъ себя своихъ священниковъ, которые должны были возвращаться къ своимъ частямъ, какъ только послѣднія вступали въ дѣло, и въ затруднительности самой смѣны. Поэтому и въ послѣдующее время дивизионные лазареты по большей части оставались безъ священниковъ, умиравшіе въ этихъ лазаретахъ чины—безъ напутствія, а умершіе—безъ христіанскаго погребенія. Въ будущей войнѣ это дѣло непременно должно быть упорядочено. Опытъ удостовѣрилъ, что дивизионному лазарету во время боя болѣе, чѣмъ любой другой части, необходимъ священникъ и что обслуживаніе лазарета полковыми священниками невозможно; для него нуженъ особый священникъ. Мы уже говорили, что и въ небоеое время для дивизіи мало имѣть четырехъ полковыхъ священниковъ и что на время войны слѣдовало дать каждой дивизіи для обслуживанія мелкихъ частей, входящихъ въ составъ ея, еще двухъ священниковъ. Одинъ изъ нихъ и находился бы во время боя при дивизионномъ лазаретѣ.

Церковное письмоводство на войнѣ.

Въ мирное время военными священниками ведутся метрическія книги и исповѣдныя вѣдомости, приходо-расходныя книги ведутся ктиторами; на войнѣ—все письмоводство ложится на священниковъ. Какъ же оно велось въ минувшую войну?

Метрическія книги по мобилизаціи были выданы всѣмъ священникамъ полковымъ и госпитальнымъ и нѣкоторымъ изъ служащихъ при учрежденіяхъ Краснаго Креста. Каждый священникъ записывалъ въ свою книгу всѣхъ, кого онъ погребалъ; записывалъ, такимъ образомъ, въ одну книгу чиновъ разныхъ частей, разныхъ корпусовъ, иногда даже разныхъ армій. Въ книгѣ извѣстнаго уже намъ іеромонаха Іосифа, священника отряда полковника Мадритова, помѣщенныя записи касаются чиновъ изъ ста семи полковъ и баталіоновъ, 15 артилерійскихъ бригадъ, 11 интендантскихъ и 9 госпитальныхъ учреждений. Такой порядокъ записыванія неудобенъ въ томъ отношеніи, что при немъ очень затруднительно, а то и совсѣмъ невозможно, отыскать метрическую запись извѣстнаго чина (когда ея не окажется въ метрической книгѣ его части), если родственники или часть не будутъ знать, какимъ именно священникомъ онъ погребенъ. Съ цѣлью хоть отчасти наладить это дѣло, въ одной изъ армій было предписано всѣмъ священникамъ, чтобы они о каждомъ погребенномъ ими чинѣ обязательно извѣщали командира части, къ которой принадлежалъ погребенный. Какъ исполняли священники указанное предписаніе—это имъ извѣстно; но если и каждый изъ нихъ отнесся къ этому дѣлу со всей внимательностью, то, независимо отъ нихъ, многія ихъ сообщенія могли, по условіямъ военнаго времени, затеряться, и командиры остаться въ неизвѣстности о судьбѣ погребенныхъ; а затѣмъ... командиры могли и не извѣстить родственниковъ. Затрудненія въ разыскиваніи записей исчезли бы, если бы по окончаніи кампаніи была сдѣлана классификація записей по частямъ такъ, чтобы чины одной части были занесены въ одну книгу и классифицированныя записи хранились бы въ духовномъ правленіи. Но это дѣло потребовало бы большого труда и расходовъ даже въ томъ случаѣ, если бы каждый священникъ представилъ вмѣстѣ со своей метрической книгой краткій реестръ погребенныхъ по частямъ.

Затѣмъ, и съ точки зрѣнія количественной и даже отчасти качественной, веденіе метрическихъ записей въ арміяхъ не было удачнымъ. Неззмѣнно кончавшіяся отступленіями сраженія минувшей

кампаніи были причиною того, что громадное большинство труповъ убитыхъ нашихъ воиновъ досталось непріятелю. Священниками же погребены сравнительно немногіе, вынесенные изъ огня или же умершіе отъ ранъ на перевязочныхъ пунктахъ.

Въ отношеніи метрическихъ записей полковые священники поступали двоякимъ образомъ: одни священники записывали только лично ими погребенныхъ, другіе—всѣхъ объявленыхъ убитыми въ приказахъ по полку, составлявшихся на основаніи показаній ротныхъ командировъ и нижнихъ чиновъ. Но послѣдній порядокъ оказался неудобнымъ, такъ какъ въ приказахъ сплосъ и рядомъ убитыми ошибочно показывались живые, чаще всего—тяжело раненные и затѣмъ взятые въ плѣнъ или подобранные какимъ-либо санитарнымъ отрядомъ, а иногда и здоровые, попавшіе въ плѣнъ; одни изъ нихъ затѣмъ возвращались въ полки, другіе—на родину. Не трудно представить, сколько бѣдъ могло натворить занесеніе живыхъ въ метрическія книги объ умершихъ! Жены этихъ quasi-мертвецовъ, вытребовавъ метрическія выписи, могли повыходить замужъ, наслѣдники раздѣлить имущество и пр. И это, какъ мнѣ извѣстно, бывало на самомъ дѣлѣ. Кромѣ того, такой порядокъ записыванія противорѣчилъ самому характеру и назначенію метрическихъ книгъ: обычно въ нихъ записываются не всѣ выбывшіе изъ извѣстной части прихода, полка, и т. п., а лишь погребенные священникомъ, ведущимъ книгу (кто совершалъ погребеніе и гдѣ погребены).

Поэтому священникамъ въ одной изъ армій было предписано заносить въ метрическія книги только тѣхъ, которые ими лично погребены или относительно которыхъ съ несомнѣнностью удостовѣрено не только то, что они убиты, но и погребены на позиціи (зарыты въ землю).

Но и лично священникомъ погребенные часто не могли быть записаны въ метрическую книгу за невозможностью опредѣлить, кто они. Священникъ въ послѣднемъ отношеніи оказывался особенно безпомощнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось хоронить принадлежавшихъ къ другимъ частямъ чиновъ, убитыхъ въ бою, или умершихъ отъ ранъ и не успѣвшихъ передъ смертью сообщить о своемъ имени и проч. Правда, Командующимъ маньчжурскою арміею въ самомъ началѣ кампаніи было приказано завести во всѣхъ частяхъ для нижнихъ чиновъ металлическія дощечки, на которыхъ обозначались бы часть и № нижняго чина. Однако, эти дощечки почти нигдѣ не были заведены; по крайней мѣрѣ, видѣть ихъ на убитыхъ и раненыхъ чинахъ не приходилось; да и поддер-

живать ихъ въ частяхъ войскъ, при чрезвычайно частой смѣнѣ чиновъ, едва ли было возможно. Поэтому узнавать умершаго, разъ никто изъ окружающихъ не могъ признать его личность, оставалось по случайнымъ надписямъ на мундирѣ (который, надо замѣтить, равно какъ и надпись на немъ, могли принадлежать другому), на шапкѣ, по случайно найденному въ карманѣ письму и т. п. Насколько подобный способъ узнаванія былъ успѣшенъ, можно судить по слѣдующему случаю: 4-го марта 1905 г. на ст. Чантафу изъ санитарнаго поѣзда было вынесено двадцать умершихъ нижнихъ чиновъ и одинъ офицеръ. Поѣздъ далъ свѣдѣнія только о трехъ нижнихъ чинахъ, успѣвшихъ передъ смертью сказать кое-что о себѣ, да сообщилъ фамилію офицера. Кромѣ того изъ надписи на нагрудномъ образкѣ можно было узнать, что мать офицера живетъ въ гор. Смоленскѣ и фамилія ея Н. О семнадцати нижнихъ чинахъ нельзя было добыть никакихъ свѣдѣній¹⁰⁾. Послѣ этого случая однимъ изъ полевыхъ главныхъ священниковъ была подана черезъ дежурнаго генерала Командующему арміей докладная записка, въ которой доказывалась необходимость снабженія всѣхъ чиновъ значками, напимѣръ, зашитыми въ холстъ и носимыми на груди бумажками, на которыхъ были бы обозначены всѣ свѣдѣнія, необходимыя для опредѣленія личности неизвѣстнаго чина: принадлежность чина къ извѣстной части, его имя, фамилія, даже адресъ родственниковъ. И Командующій арміей и Главнокомандующій согласились съ содержаніемъ докладной записки и въ своихъ приказахъ по арміи (приказанія № 66 отъ 7-го апрѣля 1905 г.) потребовали отъ всѣхъ частей примѣненія мѣры, указанной въ запискѣ.

Всѣ ли части исполняли приказаніе своихъ вождей, и насколько опытъ узнаванія погребаемыхъ чиновъ посредствомъ заведенныхъ записокъ оказался удачнымъ,—это показало бы время боя, но боя послѣ указанныхъ приказовъ не было. Однако, госпитальные священники сообщали, что въ госпиталяхъ часто встрѣчались нижніе чины съ записочками на груди, и эти записочки въ случаѣ смерти очень помогали точному опредѣленію личности умершихъ.

¹⁰⁾ Или другой примѣръ. Въ метрической книгѣ по мобилизаціи, выданной въ походную церковь при отрядѣ подковника Мадритова (№ 989), на листахъ 84 и 85 подъ 26-е февраля 1905 г. имѣется оригинальная запись: выставлены №№ съ 453—500, а въ графѣ «званіе, имя» помѣчено: «во время мукденскаго боя погребеніе совершалъ іеромонахъ Іосифъ, ст. Хушатай доставленный комендантомъ санитарнаго поѣзда для преданія земли». Это все—неопознанные.

Такая же запись подъ №№ съ 80—100. Всего въ книгѣ іеромонаха Іосифа записано болѣе 150 «неизвѣстныхъ чиновъ».

Для полноты и точности метрическихъ записей и еще болѣе для блага родственниковъ воиновъ, погибающихъ на полѣ брани, необходимо въ будущемъ на время войны снабдить каждого чина такимъ знакомъ, который бы давалъ достаточно свѣдѣній для точнаго опредѣленія личности каждаго умершаго.

Съ качественной стороны метрическія записи военного времени также оставляли желать лучшаго.

Прежде всего, многія изъ нихъ не отличались нужною полнотою. Виновны, однако, въ этомъ болѣе самыя воинскія части, къ которымъ принадлежали запасные, чѣмъ учинявшіе записи священники, такъ какъ части очень небрежно и неохотно относились къ требованіямъ священниковъ о высылкѣ необходимыхъ для записи свѣдѣній.

Больше недочетовъ представляли госпитальныя метрическія книги, въ особенности книги, которыя велись іеромонахами. Невѣжество, безграмотность значительной части послѣднихъ служили камнями преткновения, о которые разбивались всякія требованія, предписанія, разъясненія и объясненія полевого главнаго священника и благочинныхъ ¹¹⁾. Нѣкоторымъ изъ іеромонаховъ, не подчиненныхъ благочиннымъ, было приказано не заносить записей въ бѣловую метрическую книгу ранѣе, чѣмъ онѣ будутъ пересмотрѣны и одобрены полевымъ главнымъ священникомъ. Эта мѣра сильно помогала дѣлу. Къ сожалѣнію, ее нельзя было примѣнить въ отношеніи тѣхъ іеромонаховъ, которые съ своими частями находились слишкомъ далеко отъ главной квартиры.

Такимъ образомъ, громадное большинство изъ погибшихъ на полѣ сраженія въ минувшую кампанію осталось незаписаннымъ въ метрическія книги; разысканіе нѣкоторыхъ записей будетъ соединено съ громаднымъ трудомъ, если не съ невозможностью, такъ какъ не будетъ извѣстно, въ какой изъ множества метрическихъ книгъ по мобилизації учинена нужная запись. Слѣдовательно, метрическія книги послужатъ только меньшинству, хотя онѣ предназначены для всѣхъ. По нашему мнѣнію, это ясно доказываетъ несостоятельность метрическихъ книгъ по мобилизації. Регистрація убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и болѣзней чиновъ во время войны должна быть поручена самимъ частямъ; части же должны выдавать, кому слѣдуетъ, удостовѣренія о смерти чиновъ и этимъ удостовѣреніямъ должно быть присвоено закономъ во всѣхъ отношеніяхъ значеніе метрическихъ записей.

¹¹⁾ Примѣръ—книга № 989 церкви при летучемъ отрядѣ полковника Мадригова.

На всѣхъ же священниковъ, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, могъ бы быть возложенъ долгъ человеколюбія,—это обязанность о чинахъ своей части, погибающихъ на полѣ брани или умирающихъ отъ болѣзней, и о погребенныхъ ими чинахъ другихъ частей, извѣщать родственниковъ погибшаго, сообщая, если возможно, послѣднимъ не только о самомъ фактѣ смерти, но и о послѣднихъ минутахъ умершаго, о мѣстѣ его погребенія и т. п.

Что касается исповѣдныхъ вѣдомостей, то здѣсь прежде всего надо сказать, что этотъ документъ лишень всякаго значенія и фактически невыполнимъ въ военное время. Что можетъ представлять извѣстная исповѣдная вѣдомость полковой церкви за 1904 г., что она можетъ засвидѣтельствовать о полкѣ, составъ котораго мѣнялся безпрестанно и въ теченіе этого года могъ измѣниться четыре раза, какъ это было съ нѣкоторыми Вост.-Сиб. стрѣлк. полками? Кому и на что она нужна? Даже для статистики исповѣдная вѣдомость военного времени не могла ничего дать, такъ какъ ни одинъ священникъ не имѣлъ возможности заносить въ нее говѣвшихъ у него чиновъ, принадлежащихъ къ другимъ частямъ, и тѣмъ болѣе не могъ отмѣтить, кто изъ чиновъ частей, не имѣвшихъ своихъ священниковъ, не исполнилъ долга исповѣди. На войнѣ приходы не были и не могли быть разграничены. И, однако, духовное начальство требовало отъ находящагося на войнѣ духовенства представленія исповѣдныхъ вѣдомостей. Конечно, оно въ данномъ случаѣ должно было поступиться буквой закона. На войнѣ у священника много живого и настоящаго дѣла; нельзя обременять его въ такую пору бесплодной и крайне сложной работой. Сложность и тяжесть этой работы и вообразить трудно. Нѣкоторымъ священникамъ приходилось переисповѣдать въ теченіе года до десяти тысячъ. Теперь представьте, чего стоило бы составить исповѣдную вѣдомость на десять тысячъ человекъ, при походной обстановкѣ, когда священники должны были непрерывно перекочевывать съ мѣста на мѣсто, а во время стоянокъ жить въ палаткахъ и землянкахъ, гдѣ походная кровать служила и ложемъ, и столомъ, и стуломъ. Да еще выполнять сизифову работу, сознавая, что она и безцѣльна, и бесплодна. Неудивительно, что требованіе начальства представить исповѣдныя вѣдомости вызвало и недоумѣніе, и негодованіе. Общій голосъ бывшаго на войнѣ духовенства свидѣтельствовалъ, что этому документу не къ чему рождаться на войнѣ.

Иное дѣло—приходо-расходныя книги. Копѣйка казенная любить гласность и нуждается въ учетѣ. На театрѣ же военныхъ дѣйствій церковныя поступленія (кошелекъ и свѣчи) бывали очень зна-

чительны. Во избѣжаніе всякихъ подозрѣній, нареканій и просто для порядка, этимъ поступленіямъ должна вестись строгая отчетность. Нѣтъ нужды заводить приходо-расходныя книги мирнаго времени (онѣ довольно громоздки); можно обойтись простыми тетрадами, непременно прошнурованными и скрѣпленными полевымъ главнымъ священникомъ, но тетради эти должны подлежать тому же контролю, какъ и приходо-расходныя книги.

Въ минувшую кампанію за всѣми церковными службами въ 1-й Манчжурской арміи производился сборъ въ пользу семействъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ воиновъ, дававшій значительныя суммы. Идея этого сбора быстро распространилась по арміи и вездѣ была принята необыкновенно сочувственно. По полкамъ были образованы комиссіи, принявшія на себя трудъ сбора и распределенія между обездоленными пожертвованій. Пожертвованія потекли отовсюду: жертвовали нижніе чины и офицеры въ храмѣ; жертвовали офицеры по случаю полученія ими орденовъ и чиновъ; командиры полковъ и начальники дивизій отчисляли на это святое дѣло большія цифры изъ хозяйственныхъ полковыхъ суммъ. Общая цифра полученнаго такимъ порядкомъ сбора въ 1-й Манчжурской арміи значительно превышала 100 т. р. Инициатива этого сбора принадлежала духовенству; духовенствомъ главнымъ образомъ вынесенъ и трудъ сбора. Дай Богъ, чтобы этотъ симпатичный и благодѣтельный починъ не остался безъ подражателей и въ будущемъ.

Личный составъ духовенства арміи.

Продуктивность пастырской работы на войнѣ прежде всего зависитъ отъ личнаго состава духовенства. Если служеніе священника вообще высоко и трудно, то на войнѣ оно еще выше и труднѣе. На войнѣ священникъ всегда среди чиновъ своей части, всегда на виду, въ кругу людей разныхъ взглядовъ и убѣжденій, какъ вѣрующихъ, такъ и не вѣрующихъ, какъ уважающихъ его служеніе, такъ и недоброжелательно настроенныхъ. Чтобы заслужить уваженіе не только первыхъ, но и вторыхъ, священникъ долженъ обладать высокими, какъ нравственными, такъ и умственными качествами. Обстановка боевого времени сурова, жизнь на войнѣ сопряжена съ большими физическими лишеніями и нравственными страданіями, для перенесенія которыхъ у священника должно быть много силъ и бодрости. Престарѣлымъ и болѣзненнымъ—не мѣсто тутъ. Паства на войнѣ болѣе, чѣмъ въ другое время, ждетъ отъ своего пастыря разумной службы, нуждается въ живомъ и вдохно-

венно мощномъ и дѣйственнымъ словѣ, въ примѣрѣ высокому и увлекающему; священникъ, разъ онъ прибылъ на войну, долженъ внести свою цѣнную лепту въ великое дѣло воспитанія добраго духа арміи, подготовленія ея къ побѣдѣ. Сильные словомъ и дѣломъ пастыри нужны на войнѣ. Война, говорятъ, государственнѣйшій экзаменъ для націи. Негоже въ качествѣ представителей церкви посылать на этотъ экзаменъ, на которомъ потребуется тяжелая, отвѣтственная, просвѣщенная работа, слабыхъ и хилыхъ, хромыхъ и слѣпыхъ, младенцевъ по уму, совсѣмъ не подготовленныхъ и неспособныхъ вынести работу, какая отъ нихъ потребуется. Ясно, что подборъ священниковъ для дѣйствующей арміи долженъ быть сдѣланъ очень осторожно, внимательно и разумно. Было ли это сдѣлано для минувшей войны? Чтобы быть болѣе точнымъ, я буду говорить о духовенствѣ 1-й арміи. Духовенство 1-й арміи, и по образовательному цензу и по своей дѣятельности и по отношенію къ нему чиновъ арміи, рѣзко дѣлилось на двѣ категоріи: къ первой — принадлежало главнымъ образомъ военное духовенство, ко второй — присланное на войну изъ разныхъ епархій. Военное духовенство служило въ полкахъ, епархіальное преимущественно въ госпиталяхъ. Военное духовенство состояло изъ окончившихъ курсъ семинарій, преимущественно — студентовъ ¹²⁾, за немногими исключеніями было молодо и сильно, знало духъ арміи и способы пастырскаго вліянія на нее, было дѣятельно и самоотверженно, работа его была по большей части серьезна и просвѣщенна; нѣкоторые же изъ военныхъ пастырей пользовались въ своихъ частяхъ огромною любовью и уваженіемъ.

Госпитальнаго духовенства было 36 человекъ; изъ нихъ 17 бѣлыхъ священниковъ и 19 іеромонаховъ. Въ числѣ 17 бѣлыхъ священниковъ было пять студентовъ семинаріи, 5 окончившихъ курсъ семинаріи по второму разряду, 4 выбывшихъ изъ первыхъ классовъ семинаріи, 1 окончившій учительскую семинарію, 1 уволенный изъ духовнаго училища, 1 съ домашнимъ образованіемъ, полученнымъ въ крестьянской семьѣ. Образовательный цензъ госпитальныхъ 19 іеромонаховъ былъ таковъ: 1 изъ учительской семинаріи, 2 уволенныхъ изъ низшихъ классовъ духовныхъ училищъ и 16 съ домашнимъ образованіемъ, которое у нѣкоторыхъ было таково, что они едва подписывали свое святое имя, съ препятствіями разбирали славянскую печать. Само собою понятно, что недостатокъ образованія давалъ себя чувствовать въ ихъ дѣятельности. Въ

¹²⁾ Съ высшимъ, академическимъ образованіемъ въ рядахъ этого духовенства было два священника.

то время, какъ образованные полковые священники были не только требоисправителями, но и учителями ¹³⁾, часто сильно вліявшими на жизнь своей паствы,—малограмотные госпитальные были лишь «ногребателями», «панихидствователями», «молебствователями». Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дѣятельность ихъ выходила изъ рамокъ требоисправленія, она чаще всего приобрѣтала нежелательный и для нихъ и для дѣла характеръ. Ихъ проповѣди, на примѣръ, вызывали со стороны врачей, среди которыхъ бывало не мало евреевъ, поляковъ и православныхъ-невѣрующихъ, злую критику; а діалектическія попытки нѣкоторыхъ изъ особенно ревностныхъ къ вѣрѣ обратить сомнѣвающихся и невѣрующихъ врачей на истинный путь кончались посрамленьемъ самихъ обратителей. Только очень немногіе изъ недоучекъ священниковъ и малограмотныхъ іеромонаховъ своимъ смиреніемъ, любовью и христіанскимъ отношеніемъ къ больнымъ сумѣли заслужить нѣкоторое уваженіе и доброе отношеніе къ себѣ чиновъ госпиталя.

При посѣщеніяхъ госпиталей чувствовалась громадная разница въ отношеніяхъ врачебнаго персонала къ священнику, смотря по тому, былъ ли это образованный священникъ или выученный по псалтири іеромонахъ: въ первомъ случаѣ приходилось видѣть, что священнику сослуживцами оказывается и любовь и почтеніе, во второмъ—неизмѣнно наблюдать: при лучшей обстановкѣ—покровительственно снисходительное отношеніе госпитальныхъ чиновъ къ священнику, при худшей—небрежное, а то и насмѣшливо враждебное.

Только что изложенное, кажется, съ ясностью доказываетъ, что епархіальныя начальства безъ достаточнаго вниманія отнеслись къ выбору священниковъ на войну. Между тѣмъ добрый выборъ долженъ былъ быть сдѣланъ и могъ быть сдѣланъ. Развѣ Русь до того оскудѣла добрыми пастырями, что она въ трудную годину для сражающагося воинства не можетъ дать сотню—другую добрыхъ одушевленныхъ пастырей? Развѣ мало было желающихъ раздѣлить невзгоды и труды дѣйствующей арміи? Конечно, было много; только выбирали не тѣхъ, кто былъ достоинъ, кто горѣлъ желаніемъ послужить арміи, а случайныхъ ¹⁴⁾.

¹³⁾ Изъ епархіальныхъ начальствъ, приславшихъ въ 1-ю армію священнослужителей, рѣзко выдѣлилось Екатеринбургское: оно дало четырехъ священниковъ, которые съ большою пользою и честью потрудились на войнѣ.

¹⁴⁾ Нѣкоторые же изъ начальствъ, повидимому, воспользовались случаемъ мобилизаціи, чтобы сплавить негодныхъ.

Между тѣмъ государство какъ бы все предприняло для того, чтобы выборъ епархіальныхъ священниковъ для войны былъ добрымъ. Содержаніе госпитальнымъ и вообще прибывшимъ по мобилизациі священникамъ было назначено болѣе чѣмъ приличное: 90 р. жалованья, 90 р. порціонныхъ, фуражныхъ на двѣ лошади—отъ 50 до 70 р., дровяныя, на варку пищи и пр.; всего отъ 250 до 300 р. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, по указу Святѣйшаго Синода отъ 16-го августа 1904 г., за бѣлыми священниками были оставлены приходы съ содержаніемъ по нимъ и квартирами. Мобилизационные священники, такимъ образомъ, были много лучше обеспечены, чѣмъ военные. При такомъ обеспеченіи можно было набрать отмѣнно добрыхъ.

И полковые, и госпитальные священники возвратились на родину щедро украшенными знаками отличія. Больше получили, конечно, потрудившіеся съ начала и до конца кампаніи; но и прибывшіе во единонадесятый часъ не остались безъ награды. Отличены сравнительно одинаково всѣ: почти всѣ, на примѣръ, трудившіеся съ начала кампаніи, получили ордена Анны 3-й ст. и 2-й ст., Владиміра 4-й ст. и наперсные кресты.

По странному совпаденію, лучшіе изъ священниковъ и благочинные до послѣдняго времени оставались въ отношеніи наградъ опереженными другими. И здѣсь «сыны вѣка сего оказались мудрѣ сыновъ царствія»...

Въ значительной степени подобная случайность зависѣла отъ того, что награжденіе священниковъ производилось помимо заключенія полевого главнаго священника ¹⁵⁾. Такимъ образомъ, въ награжденіи священниковъ не было сравнительной оцѣнки, и получалъ больше наградъ тотъ священникъ, ближайшее начальство котораго, полковой командиръ, былъ щедрѣе на награды. Слѣдствіемъ устраненія полевого главнаго священника отъ участія въ награжденіи подчиненнаго ему духовенства еще было и то, что иногда награждались такіе священники, которые по закону не имѣли права на награжденіе. Какъ на выдающійся случай въ этомъ родѣ можно указать на награжденіе одного изъ госпитальныхъ священниковъ, не бывшаго въ бою, крестомъ на Георгіевской лентѣ и орденомъ св. Анны 3-й ст. послѣ того, какъ епархіальный преосвященный отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ на возбужденную черезъ полевого главнаго священника просьбу главнаго врача госпиталя объ

¹⁵⁾ Во всѣхъ другихъ управленіяхъ и вѣдомствахъ наградные списки подчиненныхъ проходили черезъ руки ихъ начальства; вѣдомство военнаго духовенства составляло исключеніе.

исключеніи изъ послужного списка означеннаго священника значившейся тамъ подсудности и не считаніи этой подсудности препятствіемъ къ награждѣ.

Въ общемъ свидѣтельствую о вниманіи къ духовенству военнаго начальства, награды, въ частности, въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ, такимъ образомъ, могли лишь говорить о продолжительности или кратковременности работы извѣстнаго лица на бранномъ полѣ и далеко не всегда служили мѣриломъ качества и плодотворности этой работы.

Я въ общихъ чертахъ охарактеризовалъ дѣятельность нашего духовенства въ минувшую войну, отмѣтивъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя ея стороны. Надѣюсь, что другіе участники войны продолжатъ мою работу, восполнятъ мой «піонерскій» трудъ. Я же счастливъ буду, если начатое мною освѣщеніе огромной важности вопроса поможетъ пастырямъ—участникамъ будущей войны—выйти на поле брани съ большимъ опытомъ, съ лучшими силами, и для славы родины, и воинства поработать съ большимъ успѣхомъ.

Г. Шабельскій.

